

Я. С. Кожеуров*

ВОПРОСЫ ПРАВА МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РЕШЕНИИ СУДА ЕАЭС ОТ 21 ФЕВРАЛЯ 2017 ГОДА ПО ДЕЛУ «РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ПРОТИВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»*

Аннотация. В статье через призму права международной ответственности анализируется первое решение Суда ЕАЭС, вынесенное по межгосударственному спору по вопросу соблюдения государством-членом своих обязательств по праву Евразийского экономического союза. Приводятся как позитивные аспекты решения, выразившиеся в прояснении Судом ряда важных положений права Союза, так и критические замечания, касающиеся, во-первых, использования Судом оригинальной, но малоудачной с юридической точки зрения формулировки «исполнение не в полном объеме»; во-вторых, умышленного оставления за скобками судебного акта какой-либо фактуры, что, с одной стороны, превратило решение по спорному делу фактически в консультативное заключение, с другой — лишило Суд хорошей возможности внести вклад в дискуссию относительно разграничения законченных и длящихся деяний, что имеет значение как для вопросов приемлемости дел с точки зрения условия *ratione temporis*, так и с точки зрения права международной ответственности (в том числе в плане определения последствий нарушения — прекращение или реституция). В статье высказывается мнение, что Суду все же следовало бы рассмотреть вопрос о приемлемости дела с точки зрения темпоральной юрисдикции, придя к выводу о наличии таковой по причине незаконченного (длящегося) на момент вступления Договора о ЕАЭС в силу характера предполагаемого нарушения правила о взаимном признании решений таможенных органов.

Ключевые слова: евразийская интеграция, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Суд ЕАЭС, международная ответственность, международное правосудие.

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.133.12.133-146

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы международной ответственности занимают центральное место в практике международных судебных учреждений. Два из четырех вопросов, разногласия по которым

в соответствии с п. 2 ст. 36 Статута Международного Суда ООН квалифицируются как правовые споры (наличие факта, который, если он будет установлен, будет представлять собой нарушение международного обязательства; характер и размеры возмещения, при-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00836.

© Кожеуров Я. С., 2017

* Кожеуров Ярослав Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
jskozheurov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

читающегося за нарушение международного обязательства), составляют сердцевину права международной ответственности, кодифицированного Комиссией международного права ООН в Статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г.¹ (далее — Статьи 2001 г.): часть первая этого документа посвящена понятию, признакам и элементам международно-противоправного деяния, часть вторая — содержанию международной ответственности, выражающейся в обязанности прекратить международно-противоправное деяние и обеспечить полное возмещение вреда в форме реституции, компенсации и сатисфакции; наконец, задействование международных судебных учреждений является одной из форм имплементации ответственности (часть третья Статей 2001 г.).

Можно сказать и по-другому. Современное право международной ответственности — то, каким мы его сегодня знаем, сложилось в основном благодаря международным судам и арбитражам, в решениях которых переплавились и выкристаллизовывались его основные принципы и категории, отраженные Комиссией международного права ООН (КМП) в результатах своей работы. Более того, воздействие международных судебных учреждений на процесс развития права международной ответственности не ослабевает: и после принятия указанных статей международные суды и арбитражи играют активную роль в толковании и уточнении норм об ответственности, наполняя их конкретным содержанием и служа примерами их современной реализации.

Общее число дел, в которых международные суды и арбитражи ссылались на Статьи КМП 2001 г., по подсчетам Секретариата ООН, в период с 2001 по 2016 г. составило около 270².

Суд Евразийского экономического союза (ЕАЭС), начавший свою работу 1 января 2015 г. в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., входит в когорту судов, созданных в рамках международных интеграционных объединений (таких судов уже более десятка). Главным предназначением таких судов является способствование формированию, единообразное применение и защита особого феномена — права региональных интеграционных объединений. Между тем суды региональных интеграционных объединений, несмотря на свою специфику (свойственную только им компетенцию осуществлять судебный контроль над принимаемыми в рамках интеграционного объединения общеобязательными нормативно-правовыми актами), обладают всеми признаками и компетенцией международных судов³, в том числе по рассмотрению споров относительно соблюдения государствами-членами и самой международной организацией региональной интеграции своих обязательств⁴, следовательно, также неизбежно в своей деятельности сталкиваются с вопросами международной ответственности.

За неполные три года работы Судом ЕАЭС, чья деятельность вызывает пристальный интерес отечественной доктрины⁵, накоплена достаточная для анализа практика в этой области. В настоящей статье будет рассмотрено с точки зрения права международной ответственности

¹ Ответственность государств за международно-противоправные деяния (приложение к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/56/83 от 12 декабря 2001 г.).

² Ответственность государств за международно-противоправные деяния. Подборка решений международных судов, трибуналов и иных органов. Доклады Генерального секретаря от 1 февраля 2017 г. (Док. ООН A/62/62), от 30 апреля 2010 г. (Док. ООН A/65/76), от 30 апреля 2013 г. (Док. ООН A/68/72), от 21 апреля 2016 г. (Док. ООН A/71/80).

³ *Исполинов А. С.* Что скрывается за броским термином «интеграционное правосудие»? // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2017. № 3. С. 113, 117.

Следует согласиться с автором в том, что «суды интеграционных объединений создаются и действуют по тем же правилам, что и остальные международные суды» (Там же. С. 117—118).

⁴ См.: Статут Суда ЕАЭС (Приложение № 2 к Договору о ЕАЭС). П. 39, 105—109.

⁵ *Толстых В. Л.* Практика суда ЕАЭС/суда ЕвразЭС: проблемы правоприменения и некоторые итоги // *Международное правосудие.* 2016. № 4. С. 114—128; *Соколова Н. А.* Укрепление региональной интеграции: судебное влияние // *Актуальные проблемы российского права.* 2016. № 10. С. 181—189; *Исполинов А. С., Кадышева О. В.* Практика применения досудебного порядка рассмотрения споров в судах евразийской интеграции // *Закон.* 2016. № 10. С. 119—125; *Исполинов А. С.* Первое решение суда ЕАЭС: ревизия наследства и испытание искушением // *Российский юридический журнал.* 2016. № 4. С. 85—93;

знаковое дело по межгосударственному спору между Российской Федерацией и Республикой Беларусь — Решение Большой коллегии Суда ЕАЭС от 21 февраля 2017 г. № СЕ-1-1/1-16-БК «Об установлении факта исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств — членов Таможенного союза от 21.05.2010» (далее — решение Суда ЕАЭС по делу «Россия — Беларусь»).

I. ФАБУЛА ДЕЛА

О фактах, послуживших подоплекой первого в истории ЕАЭС межгосударственного спора, широкой общественности можно узнать не из решения, а только из особых мнений судей; в частности наиболее полно они изложены в особом мнении судьи К. Л. Чайки. Вкратце факты дела таковы. Два российских юридических лица — ООО «Рубеж» и ООО «Технопром» — с территории третьих стран ввезли на территорию особой экономической зоны Калининградской области и поместили под таможенную процедуру свободной таможенной зоны комплектующие товары, из которых впоследствии произведены холодильники, телевизоры и микроволновые печи. Торгово-промышленной палатой Калининградской области составлены акты экспертиз, подтверждающие, что произведенные товары отвечают критериям достаточной переработки и они признаны товарами Таможенного союза. Калининградской областной таможенной товары были помещены под таможенную процедуру реимпорта, в связи с чем они приобрели статус товаров Таможенного союза для таможенных целей.

Затем для перемещения товаров из особой экономической зоны на остальную часть территории Российской Федерации они были помещены под таможенную процедуру тамо-

женного транзита, российской таможенной на транспортные средства с товарами наложены идентификационные пломбы, что свидетельствует о помещении их под таможенный контроль. Местом доставки товаров определена Ошмянская таможня Республики Беларусь. Процедура таможенного транзита в отношении товаров ООО «Рубеж» завершена 16 и 17 декабря 2014 г. и 23 декабря 2014 г. — в отношении товаров ООО «Технопром», при этом белорусские таможенники усомнились в достоверности декларирования товаров. В январе 2015 г. Ошмянской таможней возбуждены производства по делам об административных правонарушениях, товары задержаны и помещены на склад временного хранения. В феврале и марте Ошмянской таможней вынесены постановления по делам об административных правонарушениях в отношении ООО «Рубеж» и ООО «Технопром», а судом Ошмянского района — постановления об обращении товаров российских фирм в доход государства.

В ходе состоявшихся 12 раундов переговоров между Российской Федерацией и Республикой Беларусь (предметом переговоров были не только упомянутые случаи — всего их было 29) ситуация урегулирована не была, в связи с чем Российская Федерация обратилась в Суд, заявляя, что односторонний пересмотр таможенными органами Республики Беларусь решений, ранее принятых таможенными органами Российской Федерации, явился нарушением норм права ЕАЭС о взаимном признании решений, что, в свою очередь, привело к нарушению свободы движения товаров как основополагающего принципа функционирования единого внутреннего рынка Союза.

В итоге Большая коллегия решила: «удовлетворить заявление Российской Федерации в части и установить факт исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года об обеспечении свободы движения товаров, функционировании Таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов, стрем-

Кембаев Ж. М. Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. 2016. № 2. С. 30—45; Соколова Н. А. Евразийская интеграция: возможности Суда Союза // Lex Russica. 2015. № 11. С. 96—103; Нешатаева Т. Н. Единообразное правоприменение — цель Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. 2015. № 2. С. 115—125; Ануфриева Л. П. Международные судебные органы в евразийской интеграции (проблемы теории международного права) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10. С. 193—201.

лении к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза, осуществлении единого таможенного регулирования, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств — членов Таможенного союза от 21 мая 2010 года».

Комментируя указанное решение, А. С. Исполинов находит, что оно «весьма примечательно несколькими моментами: во-первых, аккуратно подобраны слова и выводы. Чего стоит одна формулировка резолютивной части, где Суд говорит, что им установлен **«факт исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений Договора о Евразийском экономическом союзе»**. То есть установлен не факт нарушения, а факт исполнения, но не в полном объеме! Это находка».

Далее автор отмечает другой положительный, по его мнению, момент: «Кроме этого, опущена вся... фактура, столь некомфортная для Белоруссии. Внешне все выглядит как ответ на адресованную Суду просьбу рассудить, чей правовой подход — истца или ответчика — к пониманию соответствующих норм права ЕАЭС ближе к истине. Судя по всему, судьи решили не руководствоваться формулой “за преступлением всегда должно следовать наказание”, а исходить из того, что на сегодня в большинстве случаев государства нарушают нормы международного права непреднамеренно, в силу целого ряда объективных и субъективных причин, к которым в первую очередь можно отнести расплывчатость и неопределенность их договорных обязательств. Таким образом, в решении вся ситуация была представлена не как пара “виновник-пострадавший”, а как разница в понимании, толковании и применении соответствующих норм права ЕАЭС»⁶.

II. «ИСПОЛНЕНИЕ НЕ В ПОЛНОМ ОБЪЕМЕ», ИЛИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ЭКВИЛИБРИСТИКА

Сначала о «находке». Наверное, с точки зрения необходимости соблюдения политеса в сложном контексте и поиска умиротворяю-

щего обе стороны решения судьи действительно проявили незаурядную находчивость, хорошо помня об уроках своего предшественника, который командным и безапелляционным тоном, максимализмом и бескомпромиссностью весьма сильно «напугал» государства, которые существенно урезали полномочия нового Суда.

Вместе с тем представляется важным, чтобы совершенно правильным стремлениям поиска баланса между политикой, экономикой и правом, учитывающим все нюансы сложнейших отношений между членами ЕАЭС, выстраиванию взаимовыгодного диалога Суда с органами Союза, государствами-членами и национальными судами, не приносились в жертву основные юридические понятия и не вносилась излишняя путаница в и так непростые категории.

Во-первых, обращает на себя внимание, что это — замена термина, используемого в Статуте Суда ЕАЭС («соблюдение» — п. 105), на термин «исполнение». Конечно, можно сказать, что это синонимы, но судебное решение — не роман, в том смысле, что в юридическом документе синоним — скорее недостаток юридической техники, чем художественное достоинство.

Во-вторых, понятно, что Республика Беларусь увидит в этом решении в первую очередь «факт исполнения», а Россия — «не в полном объеме», но как квалифицировать «исполнение не в полном объеме»? Было ли установлено Судом международно-противоправное деяние, влекущее международную ответственность государства?

Согласно ст. 2 Статей КМП 2001 г. международно-противоправное деяние имеет место, когда какое-либо поведение, состоящее в действии или бездействии, а) присваивается государству по международному праву и б) представляет собой нарушение международно-правового обязательства этого государства.

В статье 12 расшифровывается элемент противоправности: «нарушение государством международно-правового обязательства имеет место, когда деяние данного государства не соответствует тому, что требует от него данное обязательство». В своем Комментарии к Статьям 2001 г. КМП ООН конкретизирует: «Суть

⁶ Исполинов А. С. Решение Суда ЕАЭС по спору Российская Федерация против Республики Беларусь: правосудие посреди политического конфликта // Закон.ru. Первая социальная сеть для юристов. URL: https://zakon.ru/blog/2017/03/17/reshenie_suda_eaes_po_sporu_rossijskaya_federaciya_protiv_respubliki_bielarus_pravosudie_posredi_poli.

международно-противоправного деяния заключается в несоответствии фактического поведения государства тому поведению, которому оно должно было бы следовать для соблюдения конкретного международного обязательства⁷. И далее: «Возможно существование нарушения даже в том случае, если деяние государства **лишь отчасти** противоречит его международному обязательству»⁸.

Таким образом, исходя из законов формальной логики и действующего правового регулирования, исполнение не в полном объеме — это поведение, которое не соответствует тому поведению, которому должно следовать государство для соблюдения своего обязательства, следовательно, это ненадлежащее исполнение, т.е. нарушение. Концепция противоправности не знает понятий «мера», «степень». Деяние либо соответствует, либо не соответствует тому, что требуется от государства. Перефразируя известное выражение, не бывает «немного противоправного» поведения.

В целом, если отбросить дипломатический «камуфляж», то следует прийти к выводу, что в решении устанавливается совершение ответчиком международно-противоправного деяния, что, в свою очередь, влечет более общие вопросы в плане права международной ответственности, точно подмеченные в п. 6.2 особого мнения судьи Т. Н. Нешатаевой: «С учетом того, что непризнание решений таможенных органов Российской Федерации органами Республики Беларусь повлекло экспроприацию (лишение права собственности на перевозимые товары), полагаю необходимым отметить, что, к сожалению, пункт 61 Статута Суда не позволяет эффективно рассматривать вопрос о защите прав, в том числе о присуждении разумной компенсации материального и нематериального вреда, предусматривая, что Суд оставляет без рассмотрения требования о возмещении убытков или иные тре-

бования имущественного характера. Из этого следует, что международно-правовой обычай полного возмещения вреда, закрепленный в международно-правовой практике, которая кодифицирована в статье 34 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года, не может быть реализован Судом при вынесении данного решения, что не исключает возможности защиты прав потерпевших производителей конфискованных товаров в иных юрисдикциях, а также регламентации этих вопросов в будущих актах права ЕАЭС».

Хотя вопросы «характера и размеров возмещения, причитающегося за нарушение международного обязательства», являются согласно п. d) ч. 2 ст. 36 Статута Международного Суда ООН одной из составляющих «правовых споров», тем не менее на практике возможность международного суда или арбитража рассматривать подобного рода вопросы напрямую зависит от юрисдикционных условий, содержащихся в соответствующем международном договоре, оговорке, заявлении или компромиссе. Например, Межамериканский Суд по правам человека наделен самыми широкими полномочиями по определению последствий установленного им нарушения прав: «Если Суд находит, что имело место нарушение прав или свобод, находящихся под защитой Конвенции, то Суд постановляет, чтобы потерпевшей стороне было обеспечено пользование ее правами и свободами, которые были нарушены. Он также постановляет, если сочтет подходящим, чтобы последствия мер или ситуации, которые созданы нарушением таких прав и свобод, были исправлены и что справедливая компенсация должна быть выплачена потерпевшей стороне» (п. 1 ст. 63 Американской конвенции по правам человека 1969 г.). В своей практике Межамериканский Суд создал развитую систему мер возмещения⁹.

⁷ Доклад Комиссии международного права о работе ее 53-й сессии // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. 56-я сессия. Дополнение № 10 (A/56/10). Нью-Йорк, 2001. С. 115 (здесь и далее — Комментарии КМП к Статьям 2001 г.).

⁸ Доклад Комиссии международного права о работе ее 53-й сессии. С. 117.

⁹ Кожеуров Я. С. Определение последствия нарушения прав человека в практике Межамериканского Суда по правам человека // Международный правопорядок в современном мире и роль России в его укреплении: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию профессора Д. И. Фельдмана, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 11—12 октября 2012 г. / А. Абай, А. Х. Абашидзе, А. И. Абдуллин [и др.] ; ред. колл.: И. А. Тарханов, А. И. Абдуллин, Г. И. Курдюков, Р. Ш. Давлетгильдеев. М. : Статут, 2014. 527 с. С. 186—190.

В практике Органа по разрешению споров (ОРС) Всемирной торговой организации задействуются соответствующие третейские процедуры, если «имеются расхождения во мнениях в отношении наличия или сопоставимости с охваченным соглашением мер, принятых с целью выполнения рекомендаций и решений», т.е. для оценки необходимости и достаточности принятых мер для полного исполнения решения ОРС (п. 5 ст. 21 Договора о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров).

Европейский Суд по правам человека, не имея изначально соответствующих полномочий (за исключением права присуждать справедливую компенсацию), «вывел» соответствующие правила, касающиеся последствий установленных им нарушений, творчески толкуя, конкретизируя и адаптируя к праву прав человека нормы общего международного права об ответственности. По мнению ЕСПЧ, ст. 46 Конвенции по защите прав человека и основных свобод 1950 г. (обязанность исполнять окончательные постановления ЕСПЧ), толкуемая с учетом ст. 1 Конвенции (обязанность обеспечивать каждому права и свободы, указанные в Конвенции), «возлагает на государство-ответчика правовую обязанность принять под надзором Комитета министров целесообразные меры общего и/или индивидуального характера для обеспечения права заявителя, которое Европейский Суд признал нарушенным».

Основная цель индивидуальных мер заключается в *restitutio in integrum*, т.е. в прекращении нарушения Конвенции и возмещении его последствий таким образом, чтобы восстановить, насколько это возможно, положение, существовавшее до нарушения. Это обязательство отражает принципы международного права, в соответствии с которыми государство, ответственное за неправомерное действие, обязано произвести реституцию, состоящую в восстановлении положения, существовавшего до совершения противоправного деяния, если реституция не является «материально невозможной» и «не возлагает бремя, совершенно непропорциональное выгоде, вытекающей из реституции, вместо компенсации»

(ст. 35 Статей Комиссии международного права об ответственности государств за международно-противоправные деяния). Государства должны организовать свои правовые системы и судебные процедуры таким образом, чтобы этот результат мог быть достигнут. Меры же общего характера должны быть также «приняты в отношении других лиц, находящихся в положении заявителя, особенно путем устранения проблем, которые повлекли вывод Европейского Суда». Обязательство устранить все негативные последствия нарушения является обязательством результата: «В то время как государство-ответчик в принципе сохраняет свободу выбора средств для соблюдения своего обязательства, Комитет министров также должен оценить, совместимы ли выбранные средства с выводами постановления Европейского Суда»¹⁰. Основываясь на этих рассуждениях, ЕСПЧ время от времени формулирует свое видение необходимых, по его мнению, как индивидуальных, так и общих мер в мотивировочной части своего решения (либо, в случае с общими мерами по «пилотным» постановлениям, — в резолютивной части).

Суду ЕАЭС «повезло» меньше остальных: государства не только не наделили его правом определять последствия установленного им несоблюдения права ЕАЭС, но и прямо запретили это в п. 61 Статута Суда. Тем не менее установленное Судом нарушение — не пустое сотрясение воздуха; это официальная подлежащая признанию государствами констатация совершения международно-противоправного деяния, влекущая юридические последствия, определяемые общим международным правом. В соответствии со ст. 28, открывающей часть вторую Статей КМП 2001 г. («Содержание международной ответственности»), международная ответственность государства, которую влечет за собой международно-противоправное деяние в соответствии с положениями части первой, порождает юридические последствия, установленные в настоящей части. К таким последствиям относятся: а) прекращение деяния и предоставление (если требуется) заверений и гарантий неповторения (ст. 30); б) обязанность предоставить полное возмещение вреда (любого, как материального, так

¹⁰ Постановление ЕСПЧ от 25 апреля 2013 г. по делу «Савриддин Джураев (Savriddin Dzhurayev) против Российской Федерации» (жалоба № 71386/10). П. 247—249.

и морального), причиненного международно-противоправным деянием (ст. 31), путем реституции, компенсации и сатисфакции, будь то отдельно или в их сочетании (ст. 34).

Таким образом, в случае констатации Судом ЕАЭС несоблюдения государством своих обязательств по праву ЕАЭС на государстве лежит предусмотренная общим международным правом обязанность прекратить противоправное деяние и обеспечить полное возмещение вреда. Однако конкретные формы, методы, способы, сроки, процедуры выполнения таких обязанностей относятся на усмотрение государства, которое, однако, обязано обеспечить требуемый результат. В этой связи, как представляется, частично может оказаться полезным опыт ЕСПЧ. Конечно, указание государствам конкретных мер по прекращению деяния и возмещению ущерба — как индивидуально, так и общего характера, в резолютивной части решения не представляется возможным¹¹, тем не менее отсутствуют юридические препятствия для того, чтобы Суд мог, выполняя свою роль «хранителя коммунитарного права», содействуя диалогу и способствуя наиболее эффективному функционированию права ЕАЭС, высказываться в *мотивировочной части* своего решения относительно тех мер, которые, на его взгляд, будут наиболее адекватны характеру установленного им нарушения.

Эти выводы Суда не будут формально обязательными для государств, но могут послужить им руководством к действию и быть релевантными в плане оценки соответствия избранных государством мер решению Суда. То же самое по аналогии можно распространить на решение Суда, в котором констатируется несоответствие решения или действия (бездействия) Комиссии праву Союза, поскольку Статьи об ответственности международных организаций 2011 г.¹² содержат аналогичные нормы относительно последствия совершения международной организацией международно-противоправного деяния.

III. РЕШЕНИЕ ИЛИ КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ?

Второй действительно примечательный аспект решения Большой коллегии по делу «Российская Федерация против Республики Беларусь» — полное отсутствие фактуры, послужившей основанием возникновения спора. Как уже отмечалось, отдельные фрагменты, позволяющие хоть как-то представить фактическую ситуацию, вызвавшие разногласия сторон, удается по крупицам извлекать только из особых мнений судей. В решении попросту отсутствуют неперемнная структурная часть любого судебного акта — описательная часть. Судебный акт от 21 февраля 2017 г., по сути, является не решением по спорному делу, а скорее классическим консультативным заключением, т.е. не установлением или конкретизацией правоотношения между истцом и ответчиком, определением их прав и обязанностей, а мнением Суда по отдельным (важным) аспектам права ЕАЭС.

Данное впечатление усиливается еще и тем, как Суд изложил существо спора: «Правовые позиции Истца и Ответчика, содержащиеся в материалах дела и заявленные в ходе судебного разбирательства, показывают, что одним из оснований спора являются *различные правовые подходы* компетентных органов Истца и Ответчика к пониманию соответствующих положений Таможенного кодекса Таможенного союза и Соглашения от 21 мая 2010 года, подлежащие в этой связи разъяснению Большой коллегией Суда». Действительно, далее Суд дает ценные с точки зрения формирования права Союза разъяснения относительно того, что понимать под «решением» таможенных органов (п. 3.2), в чем заключается «взаимная правовая помощь» (п. 3.3), что такое «таможенный контроль» (п. 3.4), затрагивает вопросы «непосредственного применения» права Союза (п. 3.5) и его соотношения с национальным правом государств-членов (п. 3.7).

¹¹ Например, относительно Суда ЕвразЭС высказывалось следующее предложение: «Полагаем, что в целях восстановления нарушенных прав конкретного заявителя в своих решениях Суду ЕвразЭС дополнительно к отмене оспариваемого акта возможно: 1) указывать меры общего характера, которые могут быть предприняты Комиссией для восстановления прав заявителя и неопределенного круга лиц в дальнейшем; или 2) обязывать ЕЭК осуществить сатисфакцию путем опубликования официального признания нарушений» (Нешатаева Т., Мысливский П. Первый год существования Суда Евразийского экономического сообщества: итоги и перспективы // Международное правосудие. 2013. № 2. С. 88—100).

¹² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/66/100 от 09 декабря 2011 г.

Представляется, что основную свою задачу Суд видел не столько в разрешении спора (кстати, вопрос о наличии между сторонами спора и его исчерпанности небезосновательно ставился в особом мнении судьи Д. Г. Колоса — п. 3.5), сколько в даче разъяснений по указанным важным вопросам права ЕАЭС во избежание возможных споров в будущем относительно административной помощи и взаимного признания решений таможенных органов. При таком подходе, действительно, необходимость формулирования в резолютивной части вывода о соблюдении или несоблюдении ответчиком права ЕАЭС тяготит Суд; может быть, еще и по этой причине была избрана столь оригинальная формулировка, позволяющая каждой стороне трактовать решение в свою пользу.

IV. УПУЩЕННЫЙ ШАНС

Полное отсутствие фактуры в решении привело к тому, что Суд оставил без какого-либо рассмотрения вопрос о приемлемости дела с точки зрения *ratione temporis*, на что совершенно справедливо обращается внимание в особых мнениях судей от Республики Беларусь. В промежуточном судебном акте по делу — в постановлении Суда ЕАЭС от 12 сентября 2016 г. о принятии к производству заявления Российской Федерации подробно исследованы только вопросы соблюдения условий приемлемости *ratione personae* и *ratione materiae*, а также исчерпания досудебных процедур. Ходатайство Республики Беларусь о прекращении дела в связи с отсутствием у Суда юрисдикции *ratione temporis* было отклонено

протокольным постановлением Суда от 16 ноября 2016 г. Таким образом, ни в промежуточных процессуальных актах, ни в решении по существу вопрос о наличии у Суда юрисдикции *ratione temporis* не исследовался. Вместе с тем вопрос о темпоральной юрисдикции международного суда носит не только процедурный аспект, он напрямую связан с классификацией международно-противоправных деяний на законченные и длящиеся (п. 1 и 2 ст. 14 Статей КМП 2001 г.¹³), в связи с чем остается только сожалеть, что Суд упустил возможность сказать свое слово по крайне сложному и противоречивому аспекту права международной ответственности.

Договор о ЕАЭС вступил в силу с 1 января 2015 г. С этой же даты начал функционировать Суд. Соглашения, ранее заключенные в рамках Таможенного союза, в частности Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза (ТК ТС) 2009 г. и Соглашение о взаимной административной помощи таможенных органов государств — членов Таможенного союза от 21 мая 2010 г. (Соглашение 2010 г.) в качестве составной части права Евразийского экономического союза также действуют, начиная с 1 января 2015 г. (ст. 99 Договора о ЕАЭС). В силу принципа запрета ретроактивного действия международных обязательств (ст. 28 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.¹⁴, ст. 13 Статей КМП 2001 г.¹⁵) любые действия, факты или закончившиеся ситуации, имевшие место до 1 января 2015 г., не подпадают под юрисдикцию Суда согласно п. 39 Статута Суда.

Согласно фактам, как они представлены в особых мнениях судей, в конце декабря 2014 г. товары ООО «Рубеж» и ООО «Техно-

¹³ Статья 14. Время, в течение которого длится нарушение международно-правового обязательства

1. Нарушение международно-правового обязательства деянием государства, не носящим длящегося характера, происходит в тот момент времени, когда деяние совершается, даже если его последствия продолжают продолжаться.

2. Нарушение международно-правового обязательства деянием государства, носящим длящийся характер, длится в течение всего периода, во время которого это деяние продолжается и остается не соответствующим международно-правовому обязательству.

¹⁴ Статья 28. Запрет обратной силы договоров

Если иное намерение не явствует из договора или не установлено иным образом, то положения договора не обязательны для участника договора в отношении любого действия или факта, которые имели место до даты вступления договора в силу для указанного участника, или в отношении любой ситуации, которая перестала существовать до этой даты.

¹⁵ Статья 13. Международно-правовое обязательство, находящееся в силе для государства

Никакое деяние государства не является нарушением международно-правового обязательства, если это обязательство не связывает данное государство во время совершения деяния.

пром» прибыли автомобильным транспортом в таможенный орган назначения — Ошмянскую таможню, где 16 и 17 декабря и 23 декабря 2014 г. были завершены процедуры таможенного транзита с отметкой белорусской таможни о выявленных нарушениях. Далее, в январе 2015 г. — таможенные органы Республики Беларусь возбуждают дела об административных правонарушениях, производится задержание товаров. В феврале и марте 2015 таможенными органами принимаются постановления по делам об административных правонарушениях и судами — решения об обращении товаров в доход государства.

По вопросу о том, представляло ли непризнание белорусскими таможенными органами решений, принятых российскими таможенными органами, позиции судей от Белоруссии и судьи от России, выраженные ими в особых мнениях, предсказуемо разошлись. Судья от Белоруссии А. А. Федорцов настаивает, что «все действия по проведению таможенного или иного контроля товара и документов, на основании которых перевозился этот товар, в том числе и решений таможенных органов, являются следствием предполагаемого истцом факта непризнания такого решения, а не самим фактом непризнания. Поведение ответчика, оцениваемое истцом как непризнание решений его таможенных органов, — это не деяние, а разовое действие, выразившееся в несогласии с таким решением, а все действия по проверке такого решения являются последствиями так называемого непризнания... Союзное законодательство применяется исключительно при совершении действий по завершению таможенной процедуры таможенного транзита. Все последующие действия и решения регулируются национальным законодательством государства-члена. А поскольку процедура и действия по завершению таможенного транзита завершены в 2014 году, то и сфера действия интеграционного законодательства оканчивается 2014 годом, по которому у Суда отсутствует компетенция». Такую же позицию занимает судья Д. Г. Колос: «В рамках таможенного контроля, регулирование которого передано государствами-членами на наднациональный уровень, все юридически значимые действия были совершены таможенными органами Республики Беларусь исключительно в 2014 году».

Судья от России К. Л. Чайка, напротив, уверен в длящемся характере вменяемых белорусской стороне нарушений: «По дово-

ду Республики Беларусь об отсутствии у Суда компетенции *ratione temporis*, исхожу из того, что несоблюдение ответчиком статей 1, 3, 4, 25 Договора о Союзе, статьи 125 Таможенного кодекса, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи является длящимся и состоит в длительном непрекращающемся невыполнении предусмотренных правом Союза обязанностей. Считаю, что нарушение ответчиком права Союза применительно к товарам ООО "Рубеж" началось 16 и 17 декабря 2014 года, к товарам ООО "Технопром" — 23 декабря 2014 года. В указанные даты таможенными органами Республики Беларусь завершена таможенная процедура таможенного транзита, но товары задержаны в связи с проведением проверки их статуса как товаров Таможенного союза. Несоблюдение ответчиком права Союза в связи с непризнанием решений таможенных органов истца продолжилось в январе и феврале 2015 года, что подтверждается проведением различных форм таможенного контроля, предусмотренных статьей 110 Таможенного кодекса, и возбуждением производства по делам об административных правонарушениях. Непризнание ответчиком решений таможенных органов истца в отношении товаров, принадлежащих ООО "Рубеж" и ООО "Технопром", также нашло подтверждение в постановлениях от 12 февраля 2015 года и от 18 марта 2015 года о прекращении производства по делам об административных правонарушениях... Несоблюдение Республикой Беларусь права Союза также имело место при вынесении судом Ошмянского района постановлений от 13 февраля 2015 года и от 20 марта 2015 года об обращении товаров ООО "Технопром" и ООО "Рубеж" в доход государства».

Таким образом, судьи разошлись в том, что представляет собой непризнание таможенными органами Республики Беларусь решений таможенных органов Российской Федерации, а именно: привлечение к административной ответственности — это последствия непризнания (судьи А. А. Федорцов, Д. Г. Колос) или сама суть (продолжение) непризнания решений таможенных органов РФ (судья К. Л. Чайка). Повторимся, остается только сожалеть, что Суд уклонился от ответа на эти вопросы.

В Комментариях КМП ООН к Статьям 2001 г. обращается внимание на важность отграничения законченных деяний с продолжающимися последствиями от собственно продолжающихся (длящихся) деяний: «Нельзя

считать какое-либо деяние длящимся лишь на том основании, что его воздействие или последствия сказываются в течение определенного времени. Длящимся должно быть само это противоправное деяние. Во многих случаях последствия международно-противоправных деяний могут быть длящимися. Боль и страдания, причиненные совершившимися в прошлом актами пыток, или экономические последствия экспроприации собственности продолжают, даже если пытка прекратилась, а титул собственности передан другим лицам. Такие последствия являются объектом вторичных обязательств по возмещению, включая реституцию, как требует того часть вторая настоящих Статей. Продолжительное действие таких последствий будет приниматься во внимание, например, при определении суммы выплачиваемой компенсации. Однако они не подразумевают, что само по себе нарушение является нарушением длящегося характера»¹⁶.

Первым фактором, который помогает квалифицировать продолжающиеся и законченные деяния, являются характер (содержание) первичной нормы и обстоятельства конкретного дела¹⁷. Следовательно, в первую очередь нужно определиться с содержанием первичного обязательства по взаимному признанию решений таможенных органов. Судья Д. Г. Колос уверен, что «Большой коллегией Суда не дан ответ на вопрос, что представляет собой международно-правовое обязательство, предусмотренное ст. 125 ТК ТС и ст. 17 Соглашения от 21 мая 2010 года. В решении Суда лишь констатирована императивность взаимного признания решений таможенных органов по умолчанию, без оговорок и условий, без оценки обстоятельств, исключающих такое признание» (п. 2.3 особого мнения судьи). Вместе с тем в решении Большой коллегии можно обнаружить достаточно указаний на то, что из себя, по мнению Коллегии, представляет указанное обязательство. В частности, Большая коллегия Суда считает, что таможенными органами государства-члена, проводящего таможенный контроль в отношении товаров Таможенного союза, следующих под процеду-

рой таможенного транзита из одного государства — члена Союза в другое государство — член Союза, целесообразно воздерживаться от одностороннего порядка решения вопроса о достоверности, допустимости, достаточности документов, выданных компетентными органами государства отправления, поскольку этот вопрос урегулирован Соглашением от 21 мая 2010 г., что, в свою очередь, требует соблюдения установленных международных процедур взаимной административной помощи таможенных органов» (п. 6). Таким образом, одним из проявлений взаимного признания решений таможенных органов является запрет таможенным органам одного государства пересматривать в одностороннем порядке определенный статус товара как товара Таможенного союза.

В своем Комментарии КМП ООН отмечает, что «различие между окончанными и длящимися деяниями является относительным. Само длящееся противоправное деяние может прекратиться: так, заложник может быть освобожден или тело пропавшего без вести лица может быть возвращено его родственникам. По существу, длящееся противоправное деяние представляет собой деяние, которое было начато, однако не было окончено в соответствующее время. Когда длящееся противоправное деяние прекращено, например, вследствие освобождения заложников или вывода войск с незаконно оккупированной территории, деяние считается впредь не имеющим длящегося характера, несмотря даже на то, что некоторые последствия деяния могут продолжаться. В этом случае на него распространяется действие пункта 1 статьи 14»¹⁸.

В какой момент пересмотр решений российской таможни состоялся как законченное деяние? Для анализа может быть полезен другой критерий, сформулированный «от обратного». Как уже отмечалось, содержанием международной ответственности является вторичное обязательство делинквента прекратить деяние, если оно продолжается (п. «а» ст. 30 Статей 2001 г.). В отношении же законченных деяний могут быть применимы лишь правила

¹⁶ Комментарий КМП к Статьям 2001 г. С. 134.

¹⁷ Комментарий КМП к Статьям 2001 г. С. 133 ; *Pauwelyn J. The Concept of a 'Continuing Violation' of an International Obligation: Selected Problems // British Yearbook of International Law. 1996. Vol. 66. Is. 1. P. 420.*

¹⁸ Комментарий КМП к Статьям 2001 г. С. 134.

о полном возмещении вреда в форме реституции и компенсации (ст. 34). Прекратить можно только такое деяние, которое продолжается, следовательно, если в данный момент к деянию применимо требование о прекращении, то в данный момент оно продолжается¹⁹.

С учетом обозначенных критериев имеются все основания предполагать, что пересмотр решений таможенных органов Российской Федерации в отношении товаров ООО «Рубеж» и ООО «Технопром» был продолжающимся во времени деянием, которое началось в момент завершения процедуры таможенного контроля с выявлением нарушений таможенного законодательства и задержания товаров и закончилось в момент окончательного определения судьбы данных товаров юрисдикционными органами, т.е. в момент вступления в силу постановлений таможенных органов по делам об административных правонарушениях и решений суда об обращении товаров в доход государства, поскольку вплоть до данного момента ситуация нарушения правила о взаимном признании решений, как представляется, еще могла быть прекращена, а после — только устранены последствия нарушения в форме реституции или компенсации (после реализации товаров на рынке — исключительно в форме компенсации).

Судьи А. А. Федорцов и Д. Г. Колос совершенно верно обращают внимание на то, что вопросы производства по делам об административных правонарушениях, административной и иной ответственности за нарушение таможенных правил не охватываются в настоящий момент правом Союза, представляя собой исключительную компетенцию государств-членов. Однако это не опровергает того факта, что в результате реализации данных переданных на уровень интеграционного объединения функций может состояться, по сути, пересмотр в одностороннем порядке решений таможенных органов другого государства-члена, что противоречит международным обязательствам государств — членов Союза. Подход, согласно которому такой пересмотр может состояться исключительно в ходе мероприятий таможенного контроля (предмет права Союза),

но не в результате реализации административной ответственности (предмет национального права) представляется слишком узким и в какой-то степени даже опасным для перспектив евразийской интеграции, обеспечения единообразия и непосредственного применения права Союза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Решение Большой коллегии Суда ЕАЭС от 21 февраля 2017 г. по делу «Российская Федерация против Республики Беларусь», безусловно, заслуживает самого пристального внимания юридической общественности. Оно является знаковым во многих отношениях. Это первый межгосударственный спор в рамках евразийской интеграции, рассмотренный в судебном порядке. Представляется, что деликатная и осторожная позиция Суда, дипломатичная и миролюбивая риторика послужит сигналом государствам для более активного обращения к возможностям евразийского правосудия. В решении прояснены и конкретизированы многие ключевые для развития интеграционных процессов понятия и категории, такие как «решение таможенного органа», раскрыто содержание обязательства по взаимному признанию таких решений в контексте иных форм административной помощи, определено соотношение признания решений и направления поручений государствам-членам в рамках проведения таможенного контроля. Сделан задел на пути формирования доктрины прямого и непосредственного применения права Союза, его приоритета по отношению к национальному законодательству. Нет сомнений, что данное решение в целом будет способствовать продвижению евразийского интеграционного проекта.

Вместе с тем можно сформулировать и ряд критических замечаний в отношении данного решения, рассматривая его через призму права международной ответственности. Во-первых, использованная Судом оригинальная формулировка «исполнение не в полном объеме», возможно, привлекательная с политиче-

¹⁹ *Pauwelyn J.* Op. cit. P. 420—421 ; *Salmon J.* Duration of the Breach // *The Law of International Responsibility. Oxford Commentaries on International Law / ed. by J. Crawford, A. Pellet. S. Olleson. Oxford University Press, 2010. P. 388 ; Crawford J.* State Responsibility. General Part. Cambridge University Press, 2013. P. 263.

ской точки зрения, не очень удачна с юридической: она не имеет оснований ни в правилах Суда, ни в общем праве международной ответственности, диссонируя с общепринятым понятием международно-противоправного деяния. Во-вторых, умышленное оставление за скобками судебного акта какой-либо фактуры, с одной стороны, превратило решение по спорному делу фактически в консультативное

заключение, с другой — лишило суд хорошей возможности внести вклад в дискуссию относительно разграничения законченных и длящихся деяний, что критически важно как для вопросов приемлемости дел с точки зрения условия *ratione temporis*, так и с точки зрения права международной ответственности (в том числе в плане определения последствий нарушения — прекращение или реституция).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ануфриева Л. П. Международные судебные органы в евразийской интеграции (проблемы теории международного права) // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 10. — С. 193—201.
2. Доклад Комиссии международного права о работе ее 53-й сессии // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. 56-я сессия. Дополнение № 10 (A/56/10). — Нью-Йорк, 2001.
3. Исполинов А. С. Первое решение суда ЕАЭС: ревизия наследства и испытание искушением // Российский юридический журнал. — 2016. — № 4. — С. 85—93.
4. Исполинов А. С. Решение Суда ЕАЭС по спору «Российская Федерация против Республики Беларусь»: правосудие посреди политического конфликта // Закон.ru Первая социальная сеть для юристов. URL: https://zakon.ru/blog/2017/03/17/reshenie_suda_eaes_po_sporu_rossijskaya_federaciya_protiv_respubliki_bielarus_pravosudie_posredi_poli.
5. Исполинов А. С. Что скрывается за броским термином «интеграционное правосудие»? // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — № 3. — С. 105—120.
6. Исполинов А. С., Кадышева О. В. Практика применения досудебного порядка рассмотрения споров в судах евразийской интеграции // Закон. — 2016. — № 10. — С. 119—125.
7. Кембаев Ж. М. Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. — 2016. — № 2. — С. 30—45.
8. Кожеуров Я. С. Определение последствия нарушения прав человека в практике Межамериканского Суда по правам человека // Международный правопорядок в современном мире и роль России в его укреплении: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию профессора Д. И. Фельдмана, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 11—12 октября 2012 г. / А. Абай, А. Х. Абашидзе, А. И. Абдуллин [и др.]; ред. колл.: И. А. Тарханов, А. И. Абдуллин, Г. И. Курдюков, Р. Ш. Давлетгильдеев. — М.: Статут, 2014. — С. 186—190.
9. Нешатаева Т. Н. Единообразное правоприменение — цель Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. — 2015. — № 2. — С. 115—125.
10. Нешатаева Т., Мысливский П. Первый год существования Суда Евразийского экономического сообщества: итоги и перспективы // Международное правосудие. — 2013. — № 2. — С. 88—100.
11. Соколова Н. А. Евразийская интеграция: возможности Суда Союза // Lex Russica. — 2015. — № 11. — С. 96—103.
12. Соколова Н. А. Укрепление региональной интеграции: судебное влияние // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 10. — С. 181—189.
13. Толстых В. Л. Практика суда ЕАЭС/суда ЕврАзЭС: проблемы правоприменения и некоторые итоги // Международное правосудие. — 2016. — № 4. — С. 114—128.
14. Crawford J. State Responsibility. General Part. — Cambridge University Press, 2013. — 825 p.
15. Pauwelyn J. The Concept of a 'Continuing Violation' of an International Obligation: Selected Problems // British Yearbook of International Law. — 1996. — Vol. 66. — Is. 1. — P. 415—450.
16. Salmon J. Duration of the Breach // The Law of International Responsibility. Oxford Commentaries on International Law / ed. by J. Crawford, A. Pellet, S. Ollerson. — Oxford University press, 2010. — P. 383—396.

Материал поступил в редакцию 5 сентября 2017 г.

THE ISSUES OF THE INTERNATIONAL RESPONSIBILITY IN THE DECISION OF THE EEU COURT OF FEBRUARY 21, 2017 IN 'THE RUSSIAN FEDERATION V. THE REPUBLIC OF BELARUS' CASE

KOZHEUROV Yaroslav Sergeevich — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
jskozheurov@msal.ru
125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9

Abstract. *The article through the prism of the international responsibility analyzes the first decision of the EEU court rendered on the Interstate dispute on the question of compliance by the Member States of their obligations under the law of the Eurasian Economic Union. The author provides both the positive aspects of the decision, namely to clarify the court opinion on a number of important provisions of the law of the Union, and critical remarks thereof. These concern, firstly, the use of the court's original, but not very successful, from the legal point of view, wording 'fulfillment' not in full; and secondly, the willful abandonment of judicial act outside the scope of any factual information. This, on the one hand, turned the decision on the controversial case into, in fact, advisory opinion, and on the other hand, deprived the court of a good opportunity to contribute to the discussion regarding the delineation of completed and continuing acts, which matters both for issues of admissibility of cases in terms of the conditions *ratione temporis*, and from the point of view of the international responsibility (including determining the effects of violations -cessation or restitution). The article suggests that the court still should consider the admissibility of the case in terms of temporal jurisdiction. It concluded that there was such because of the unfinished (continuing) at the time of entry into force the EEU Treaty because of the nature of the alleged violation of the rules on the mutual recognition of decisions of the Customs authorities.*

Keywords: *Eurasian integration, Eurasian Economic Union (EEU), EEU Court, international responsibility, international justice.*

REFERENCES

1. Anufrieva, L. P. International Judicial Bodies in Eurasian Integration (Problems of Theory of International Law) // Topical Issues of Russian Law. 2015, No. 10. P. 193—201.
2. Report of the International Law Commission on the Work of its 53 Session // Official Records of the General Assembly. 56th session. Supplement No. 10 (A/56/10). New York, 2001. P.115.
3. Ispolinov, A. S. "EEU Court Decision on the Russian Federation v. the Republic of Belarus Case: Justice among a Political Conflict" // Zakon.ru First Social Network for Lawyers. URL: https://zakon.ru/blog/2017/03/17/reshenie_suda_eaes_po_sporu_rossijskaya_federaciya_protiv_respubliki_belarus_pravosudie_posredi_poli
4. Ispolinov, A. S. The First Decision of the EEU Court: Revision of the Inheritance and the Test of Temptation // Russian Juridical Journal. 2016. No.4. P. 85-93.
5. Ispolinov, A. S. What Lurks behind "Integration Justice"? // Law. Journal of the High School of Economics. 2017. No.3. P. 105—120.
6. Ispolinov, A. S., Kadyshcheva, O. V. The Practice of Pre-trial Consideration of Disputes in the Eurasian Integration Courts // Law. 2016. No. 10. P. 119-125.
7. Kembayev, Zh. M. Comparative Legal Analysis of the Functioning of the Court of the Eurasian Economic Union // International Justice. 2016. No.2. P.30-45.
8. Kozheurov, Ya. S. Definition of Violations of Human Rights Consequences in the Jurisprudence of the Inter-American Court of Human Rights // Materials of the International Scientific and Practical Conference "The International Rule of Law in the Modern World and the Role of Russia in its Strengthening", Devoted to the 90-Anniversary of Professor D.I. Feldman, Kazan, Kazansky (Privolzhsky) Federal University, 11—12 October, 2012. / A. Abay, A.Kh. Abashidze, A.I. Abdullin, etc.; I.A. Tarkhanov, A. I. Abdullin, G. I. Kurdukov, R. Sh. Davletgildeev (Eds.). M.: Statut, 2014. 527 p. — P. 186—190.
9. Neshataeva, T., Myslivskiy, P. The First Year of the Eurasian Economic Community Court Existence: Results and Prospects // International Justice. 2013. No.2. P.88—100).
10. Neshataeva, T. N. Uniform Law Enforcement — the Purpose of the Eurasian Economic Union Court // International Justice. 2015. No.2. P. 115—125.
11. Sokolova, N. A. Eurasian Integration: Possibilities of the Union Court // Lex Russica. 2015. No.11. P. 9—103.

12. *Sokolova, N. A.* Strengthening of Regional Integration: Judicial Influence // Topical Issues of Russian Law. 2016. No. 10. P. 181—189.
13. *Tolstykh, V. L.* The Practice of the EEU Court / EurAsEC Court: Enforcement Issues and Some Results // International Justice. 2016. No.4. P. 114—128.
14. *Crawford, J.* State Responsibility. General Part. Cambridge University Press. 2013. 825 p.
15. *Pauwelyn, J.* The Concept of a 'Continuing Violation' of an International Obligation: Selected Problems // British Yearbook of International Law, Volume 66, Issue 1, 1996, Pp. 415—450.
16. *Salmon, J.* Duration of the Breach // The Law of International Responsibility. Oxford Commentaries on International Law. Ed. by J.Crawford, A.Pellet. S.Olleson. OUP, 2010. Pp. 383 — 396.